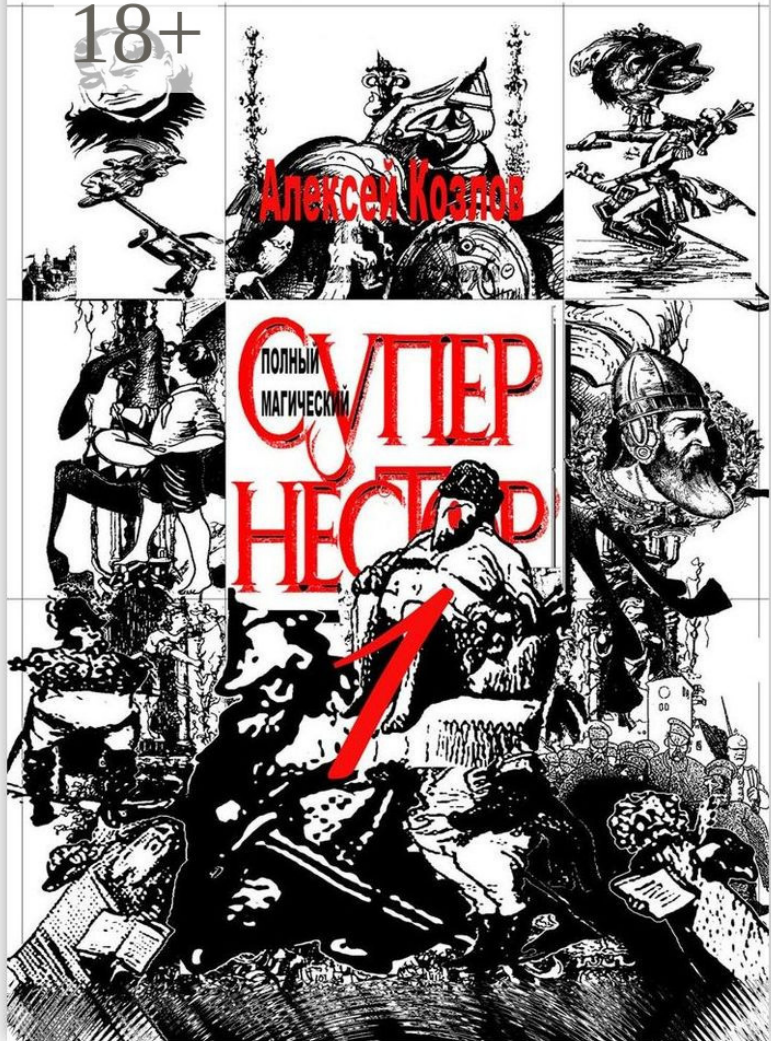

18+

Алексей Козлов

ПОЛНЫЙ
МАГИЧЕСКИЙ
СУПЕР
НЕСТОР

1

Алексей Козлов
Полный Магический
Супернестор. Том I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18799112

ISBN 9785447485221

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. О книге. Краткая адаптированная история Государства Российского от Тьмутаракани до наших дней. Сатирическое, гротескное сочинение с парадоксальным цитированием Великих. Том I. От первых князей – до падения Николая II.

Содержание

1. Песнь первая	5
2. Песнь вторая	22
3. Песнь третья	29
4. Песнь четвёртая	31
5. Песнь пятая	36
6. Песнь шестая	39
7. Песнь седьмая	44
8. Песнь восьмая	49
9. Песнь девятая	60
10. Песнь десятая	68
11. Песнь одиннадцатая	82
12. Песнь двенадцатая	86
13. Песнь тринадцатая	97
14. Песнь четырнадцатая	103
15. Песнь пятнадцатая	105
16. Песнь шестнадцатая	108
17. Песнь семнадцатая	118
18. Песнь восемнадцатая	120
19. Песнь девятнадцатая	143
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Полный Магический Супернестор Том I

Алексей Козлов

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

© Алексей Козлов, 2021

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4474-8522-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Песнь первая

В коей всё только начинается, и приводятся некоторые общие сведения о ландшафте, природе, древнейшем населении вышеозначенных территорий, а также дается шапошский обзор первых Властителей и Обзор.

Войдём в чертоги снова,
Где в золоте порог...
В начале было Слово,
И слово было Бог.
Всё было, как и ныне:
Леса.
Ручьи.
Поля.
Безлюдные пустыни
Без признаков жилья.
На Севере клубами
Пускает в ноздри дым
Дракон, покрытый льдами
С дыханьем неживым.
С Востока ветер, вея,
Пустыней гонит сор.
На Юге – Кольца Змея
С клыками древних гор.
Струили испаренья
Безвидные места.

При ближнем рассмотреньи
Земля была пуста.
Увы, уныл наш праздник,
Коль это так, увы,
Фантазия восполнит
Отсутствие канвы.

И так, как все хотели,
Столпившись у дверей,
Бог создал Дни Недели,
Птиц,
Крысу
И Зверей,
Планеты,
Воду,
Сушу,
Аршинные стебли,
И даже склеил грушу,
Где яблоки росли.
Мы долго озирали
Во весь свой юный пыл
Ландшафты, пасторали,
Что нам Господь открыл.
Играли на природе,
Но в зеркале подчас
Видения без плоти
Приветствовали нас.
Нам виделся столь ярко
Волшебный, сладкий сон,

Что блиц-визит Ламарка
На ленч был отменён!

Адам повис на древе,
Закончив все дела:
Vita somnium breve
Nanum de tabula.

(Жизнь-это краткий сон.
Пора ставить точку.)
Все было ясно, прямо...
Мы так бы и паслись,
Когда бы в мозг Адама
Не влезла злая мысль:
«Хоть змей плюётся ядом,
Здесь все, что я искал:
Забор и фига рядом...»

И получил фингал...
В бинтах,
слезах
и йоде
Адам с женой вдвоём
На бреющем полёте
Спустился кубарём
В безжизненные дали,
В песчаники,
Гранит,
Где пальмы оживляли
Весьма угрюмый вид.

Когда ковчег на сушу
Сержант-творец извлёк,
Излил бедняга душу,
Понюхал пёс и сдох.

Всё ближе чудо, это
Нам Дух Природы дал —
Явление Яфета
Среди Альпийских Скал.
Яфета пожурили,
Дав Хаму два пинка,
А шнобель водрузили
На младшего сынка.
Сим правил на Востоке,
Хам в Африке торчал,
Яфет же сделал ноги
На Запад сгоряча.
Потом назло Мамоне
Хам, Сим и Ихний Брат
Решили в Вавилоне
Построить Зиккурат.
Когда согласья мало,
Придёт всему риздец!
И скоро их достало
Строительство вконец.
Яфет летал, как птица,
Хам ползал, как змея
А Сим, как говорится,
Не смыслил ни...

В загоне было дело,
Была в умате мысль,
И братья по уделам,
Во гневе расползлись.

Из тёмного оврага
Иосип, полный сил,
К Марии, полной блага,
Зоб полный обратил.
Довольно! Я не стану
Давать в «Танах» крюка,
Чтоб в эти дебри канув,
Сломать впотьмах рога.
Коль мы Сивиллу спросим,
Что было, то она
Отметит рост ремёсел
В глухие времена.
Здесь я топырю перья
И становлюсь суров,
Взирая на изделья
Посадских гончаров.
Весёлые соседи...
В кругу взрывали прах
Учёные медведи
На длинных поводках.
Гортанные призывы,
Стук чаш и денег звон,
Мелодий, плясок взрывы,
Магический заслон,

Защитник целокупный,
По чёрным городам:
«Гремите в гусли, бубны!
Ярило спляшет нам!»
Отсвет улыбки поздней —
Уж был наш барабан
Потехой Преисподней...
По мнению христиан.
Быть надобно талантом,
Чтоб так возобладать
Над рогом – ослифантом,
Волынкой зарыдать.
Из тишины вечерней,
Из глубины веков
Врывались орды черни
На землю праотцов.
Резон взглядеться строже
С улыбкой на лице
В «Предание о Боже» —
Антийском вождеце.
Не ведаю причины,
Незнанием храним,
По коей русклавини
Подняли меч на Рим.
Мы часто принимали
Весёлую игру
И выделкой эмалей
Прославились в миру.
Начало было мило:

Пихая Рим плечом,
Здесь ворожил Атилла
Секирой и мечом.
Взрастали наши силы,
Узрел внезапно враг,
Что наш союз с Татилой
Усемерил кулак.
Как только канул гений
Свирепых войн в норе,
По Руси шлялись тени,
Как в проходном дворе.
Господь держал в кармане
Ключи, Людей и Сыр.
Людей назвал «Славяне»
И выпроводил в мир.
От Греческого моря,
Где ладом дышит жизнь,
Три племени, повздорив,
По свету разбрелись.
Одни к Днепру припали
Другие – к сей стране,
А третьи отвязали
Котомки на Двине.
Глаголют часто мифы,
Вводя Баяна в дрожь,
Что предки наши скифы.
Не верьте ни на грош!
Хоть скифусы горазды,
Но мы отметим тут:

Авторитеты часто
И очень сильно врут!
Итак, спустясь на жопе
По Припяти, Двине,
Словяне по Европе
Рассеялись зане.
Не здесь, не при народе
Я б вас туда увлѣк,
Где бродят на свободе
Куй,
Лыбидь,
Рак
и Щѣк.
Рыдая и стеная,
(– Я что, песок в миру?)
Кий, изгнанный с Дуная,
Пришѣл попить к Днепру.
Здесь было леса много,
Проёмами горя,
Стояли два острога
И три монастыря.

Осев, они зажили...
Дубовые столы
Как змеи окружили
Защитные валы.
Земля была богата
И очень велика,
На ней – и лес, и злато,

И соболю, и пенюка.
Носился ворон, рея,
Скликая тыщу бед...
Вот тут Гипербореи
Устроили фуршет.
Весь день квашню месили,
Блюли свое тягло
И Волосу носили
Цветное барахло.
В огонь бросая чушки,
Зевая на заре,
Поддерживали служки
Огонь при алтаре.
По зову с лучшей данью
Стремилась без конца
К почётному закланью
По жребию жреца.
Рабов не обижали,
Пахали огород,
И кучу жён держали
Не на казённый счет.
Плясали до упаду,
Скакали чрез костер
И Похвиста и Ладу
Не драли за вихор.
Махали кулаками,
Имели свой зарок
И топали ногами
Под гусли и гудок.

Упомянуть здесь надо,
И я слова найду,
Надутого Коляду —
Вруна и тамаду.
На смену вертопраху
С напевами идёт
Весёлый русский Бахус —
Купала, льющий мёд.
Не буду врать нимало...
Забавам нашим рад
Бог секса – Припекало,
Приапа сводный брат.
Чесали поясницу,
Бадьёй крушили блох,
Носили багряницу
И слушали пройдох,
И бяшили нелепо,
И грезили уздой,
И пареная репа
Служила им едой.

Итак, разбили грядки
От Тулы до Твери,
Но твёрдого порядка,
Увы, не завели.
В укор князьям беспечным
Учились на духу,
Как молотом кузнечным
Подковывать блоху.

Зовёт перо благое
Запечатлеть верней
Хозяйство городское
И башни крепостей.
Ярки тона и краски,
И я не перейду,
Ни в жизнь, из-за опаски
Засечную черту.

Наш гордый дух манила,
Пленяла и влекла
Магическая сила
Отверстого Дупла.
В беде мы почитали
Первейшим делом – дом
И молнию считали
Божественным Перстом.
Минуть старались кущи,
Плясали средь могил,
Смотрели сон грядущий
Из леших и страшил.

Кругом бродили гунны,
Покорные судьбе,
И тяжкие Перуны
Таскали на себе.
Полночная загадка:
Откуда притекли
Два брата Рдим и Вятко

И что в лесу нашли?
Мы были в страшной силе,
Велением Бовы
Старейшины просили
У Господа халвы.
Он не дал... «Хватит хлеба
И репы на обед...»
За это камни в небо
Мы кинули в ответ.
Мы взяли для примера
Почти на бордаж
Угрюмую Мещеру
И Мурому туда ж.
Да, предок наш острожный
Не брезговал притом
Ни рэкетом дорожным,
Ни мелким воровством.
Надев на тело фраки,
Мы двинулись туда,
Где трепетали Фраки,
Задраив города.

О, парадоксов гений!
В победах обнаглев,
Искали наслаждений
От половецких дев.
Воитель, чуждый лести,
В укор всем остальным
Кресало кровной мести

Всегда держал сухим.

Видениям прекрасным
Не вечно быть в чести...
На миг картины гаснут
И снова мы в пути.
Хазарин рёк: «Отныне
С холопов драть хочу
От ясель – по овчине,
От дыма – по мечу!»
Хазаров сбив со стула,
Творили им урон,
За то, что вместо мулов
Впрягали наших жен.
За картами поляне,
Готовясь рухнуть ниц,
Сидели на поляне
В кругу хазарских лиц.
В немотствии редая,
С семействами, гуртом
Метались Берендеи
Меж пламенем и льдом
И думали: «Обуем!»

Румяный обалдуй
Склонился к Волобуям:
– Ребята, вот вам ...!
Потом благого друга
Вдоль блещущей реки

Стремительнее звука
Погнали мы в пинки.

Гостям мы очень рады!
Народ мы холостой!..
Глядь, скифы и сарматы
Пришли к нам на постой.
Невиданное дельце —
Все княжеская рать
Грозит степных индейцев
Седлами закидать.
Немного толку в неге!
Раздался громкий лай —
Явились печенеги
И рывкнули: «Давай!»
Коль просят, мы им дали
(Коленкою под зад)
И толпами погнали
Поститься в Цареград!
Славянские карманы,
Где раньше рычал гром,
Наполнили барманы
Столовым серебром.
Наш братец Лис, я знаю,
Короткий меч берёт
И шлялся по Дунаю,
Скосившись на Восток.
Оттуда ныли: «Воры!»
Пришлите к нам мужчин!

Вести переговоры
Достаточно причин!»
Скривясь во дни лихие
Маврикий Юстинас
Платил нам отступные,
Чтобы не видеть нас.
На тряпках,
На помаде,
На слезах от свечи
Посольства в Цареграде
Гнездились, как грачи.
Конечно, заграница
Заманчива всегда —
Девицы,
Замки,
Лица,
Бесплатная еда!
Мы, зная, что богатства
Набили Римский дом,
Послали к чёрту братство
И к ним пришли с мечём!
Не сон ли страшный это?
По глади синих вод
Из «Ветхого Завета»
Армада морем прёт!
Какая тут причина
Я так и не пойму
Явление Бравлина
С большим колом в Крыму?

Бравлин любил монеты
И продал свой народ —
Крестясь у Филарета,
Он взятку сунул в рот!
Утратив Крым из виду,
Воинственный Варлаф
Напал на Амастриду,
Поживой воспылав!
Добычи было:
Мыло,
Мазь,
Тряпки,
Букли,
Воск,
Но взятка усыпила
Горячий русский мозг.
Забегали три клячи.
Посол стал колесить,
В Константинопле клянчить,
Томиться и просить.
У нас был дом и кличка,
Но нравилась отцам
Позорная привычка
К казённым образцам!
Феофил дал охрану
И встретил хлебом рать
Надутого Хакана...
(Кто это – как понять?)
Плачевные затеи...

Врагов томил вопрос...
Людовик думал: «Свеи!..»
А оказался Росс!
До выяснения роли,
Шпионов и ворон
Держали год в подполе
И выкинули вон!
Мы оставались целы
В миру и на войне,
Пока Господни стрелы
Гнездились в колчане!

2. Песнь вторая

*В коей шустро появляются Долгожданые Варяги,
а также сеющая зёрна истины и добра в заблудших душах
Просвещённых Читателей.*

– Жить будете привольно!
Идущему – привет!
Всего у нас довольно,
Да только лада нет!
Нам Божий страх неведом!
Разброд со всех сторон!
Поедем за советом
К Варягам... то есть к шведам!
Скорее – за кордон!
Нам так хозяин нужен!
Порядка жаждет рать!
Четыре брата дюжих
Явились управлять.
Один изрек: «Ya znaiy —
Vi dobriy serdtsem sbrod!
Ya ot lubvi sgoraiu!
Teper vi moi narod!
Kto chesten – mislit priamo!
I yasen do kontsa!
Predal – bolshaya yama
Nauchit podletsa!»

Варяг в железной каске
Взорвался: «Ya berus
Ne pribegaya k laske
Sognat vas skorom v Rus!»
На скакуне корявом,
Небрит, в плаще кровавом,
Решив расстаться с правом,
Неистовый Трувор
Придал варяжским нравам
Вальяжность и напор.
Решили в нашем стане,
Что Рюрик слишком рыж,
А врягам вместо дани
Пошлём в кульке кукиш!
Заткнулся смех короткий.
Что было?
Кто поймёт?
Вздымались наши плетки
На брата и на род.
Народ, привстав от страху
С капустой в бороде,
С размаху naserakhu,
Naklahu и nabzde!
В оврагах близ деревни
Ховал портки народ —
Обычай этот древний
Идёт из рода в род!

– Mi budem zhit krasivo!

Zateem zdes piri!
Nesite mnogo piva
I rakov, i ikri!
Vi soviest poterali!
Ia vzduiu vas, proidoh!
Komraden!
Uber alles...!
Нихт шиссен!
Хенде хох!

Дракон, слетев со стяга
И изрыгая гром,
Пресёк напор варяга
Единственным щелчком.
Струёй пометив место,
Князюга ускакал,
А мы *ge bene gesta*
(почесав задницу),
Ушли на сеновал.
Такой позор сурово
Не смея превозмочь,
Один народ с Нарова
Погнал Варягов прочь!
Свернули к ночи битву
Дан,
Вонглаф
И Лулу,
И вызубрив молитву,
Уснули на полу.

Мы тихо прослезились,
Узрели путь иной,
А братья удалились
С усами и казной.

Сховали мы для друга
Все лучшие куски:
Хвост Маленького Мука,
Два чиха,
Сто три пука,
Четыре драхмы лука
И фунт гнилой трески.
Господь, прости нам прозу...
Противник уволок
Чернила,
Митру,
Посох,
Четыре снизки розог,
Кадило,
Меч,
Свисток,
Пробитый шлем (немало
Убытков от гостей!
Чтоб их чума забрала!),
Сушеных рыб навалом,
Два банных одеяла,
Скамейку для гостей,
Супонь,
Крючок,

Орало,
Худой сапог из яла
И три мешка лаптей!
В огне войны пропала
Бесценная всегда
Вся соль,
Осьмушка сала,
Топор,
Пила,
Кресало,
Оконная слюда,
Погнутое стругало,
Чёлн,
Репы три пуда.
Хвала Богам – в овраге
Сокрылись дотемна
Всекняжеские стяги,
Священные коряги,
Семь бочек спелой браги,
Пивные бутыляги
И целый жбан вина,
Облезлые фуражки,
От столика нога,
Мушиные какашки
И снизка чеснока.
Всё прочее сторело
Или пошло под нож...

Да, обстояло дело

Не так уж плохо...
Всё ж!

Отвесьть три тома надо
На матушке Руси
Особой теме «Клады»!..

Здесь лучший банк – в грязи!!!
Пришли мы к осознанию
Сквозь веки и века,
Что наше достоянье —
Лишь мёд для лесника!
Потом (в какие веки?),
Свою вспомнив статью,
Мы путь «Варяги-Греки»
Затеяли топтать.
Зазнайство в кои веки
Потомки не поймут!
«Когда мы ходим в Греки,
То реки не текут!»
Затем большую ложку
Врагу засунув в зад,
Щипали понемножку
Арабский Халифат!
Мы отворяли двери
И форточки пинком —
Так много стало Мери,
И Чуди – навалом!
Не знаю человека,

Который бы забыл,
Что зуб у нас два века
На Рюриковых был!

3. Песнь третья

Сообщающая, можно ли жениться на Мёртвом Бедуине, а также приводящая отчасти из ряда вон выходящие, отчасти рядовые события, свидетелями которых вы станете по доброй воле и даже вопреки оной.

Чтоб честь блюсти мундира,
Собором решено
Призвать на службу Дира
С Аскольдом заодно.
Бог возопил: «Отныне,
Не выяснив заслуг,
На мёртвом бедуине
Не женятся, мой друг!»
Прослушав божьи пени,
Как должно, до конца,
Мы сели на ступени
Аскольдова дворца.
Они нам дали сольдо...
Наверно от тоски
Мы Дира и Аскольда
Порвали на куски!
Простимся: перед нами
Кругом, со всех сторон,
Усеянный шипами
Бесплодный, дикий склон,

По коему толпою
(Глаза, как купорос),
Брящая чешуёю,
Пантера,
Лев
И Пёс
Прошествовали в двери,
Минуя тёмный ров,
И канули в пещере,
Издав ужасный рёв.
То жмуры тут,
То прятки!..
Радетели земли,
Схватив руками пятки,
По шхерам утекли.

4. Песнь четвёртая

Продолжающая описание долгой варяжской напасти и очерчивающая правление пухлого князя Олега с сотоварищами с начала правления до гибели от коварного змеиного укуса.

Как дальше эта пьеса
Игралась в эти дни,
Послушаем Велеса —
Участника возни...

У Лукоморья берега
В капусте пономарь
Нашел мосье Олега...
Чем вам не государь?
Так толст был этот предок
И столь судьбой храним,
Что сорок табуреток
Рассыпалось под ним!
Впервые при Олеге
Расследовал Трезор
Подмётные телеги,
Соседские набеги,
Кухонный разговор.
В сём времени загадки
И для дебила нет:

Мы видим здесь зачатки
Грядущих, страшных бед.

Олег пищал меж грядок:

– Кому несёте дар?
Плодите беспорядок! —

И... прочь погнал хазар!
Был прост завет Олегов —
Собрать побольше рать!
Пошёл Олег на Греков
И стал древком шпынять.

«Иного нам не надо,
Как золота взамен,
К воротам Цареграда
Прибить дубовый член!»
Откуда же в дебелом
Юнце такая прыть?

– Налоги – первым делом!
Драть!
Брать!!
Тащить!!!
Доить!!!!
Радением Олега
Во вверенной Руси
Не будет скоро снега

Зимой...
И не проси!

Во Греках, что есть духу,
Работник всей земли
Любил гонять посуху
Морские корабли.
Волхвы рекли Олегу,
Козюлями козля:

– Vali culem v telegu,
Inache zdes nelzia!

Забрав чужие вещи.
Он их сволок на верфь,
За что был назван Вещим,
Но... помер аки червь.
Сказал Олегу кто-то
(Как это понимать?)
Что Римская пехота
Не может воевать!
Предав себя молитве,
Под древним топором,
Олег в пустяшной битве
Познал, что есть разгром,
А не триумф победы... —
Факир глотал все дни
Бенгальские ракеты
И грецкие огни.

От яростной погони
Побитый аксакал
На реактивном пони
Удачно ускакал,
Буравя степь следами.
(Зачем – я не пойму!)
Всё бросил, что годами
Тащил в свою суму:
Мечи,
Щиты,
Орала,
Роскошное шитьё,
Элитные кресала,
Попона, мать её,
Хитон из бумазеи,
Из пряностей гряда...

Солидные трофеи,
Что спорить, господа!

О завершёньи дела
Заботься загодя!
Глава орла слетела
И пал штандарт вождя!
Князя Рябой и Рыжий
С дружиною,
Гургом
Во время жженья книжек
Отрыли ветхий том.

Исчислив все раденья
И сосчитав слова,
Сошлись в едином мненьи,
Что это «Кабала»!

С дружиной жил он туго,
Но долго б правил бард,
Когда б одна гадюка
Не спутала всех карт.
Мы дали залп из лука,
Из задницы гудок,
Подумав: «Видишь, сука,
Своих причуд итог?»

5. Песнь пятая

Рассказывающая историю незадачливого князя Игоря, сгубленного жадностью, и прибитого древлянскими киллерами во широком полюшке.

За ним с грошом в кармане
Царил Игорь в стране,
Но Игоря древляне
Прирезали зане.
Ему послали Боги
Смерть страшную с утра
За то, что драл налоги
С ограбленных вчера.
Разбойникам сомненье
Пусть в ум придёт хоть раз —
Такие прегрешенья
Чреваты и сейчас!
Жена была не в духе,
Поскольку на снегу
Нашла в любимом ухе
Завязшую серьгу.

Друзья!
В поход!
Скорее!
По коням!

Быстро!
Днесь!
Нас сыщики – Ромеи
Не обнаружат здесь!
А мы уже в походе,
Гарцуем у Истры,
Одеты не по моде,
Но рьяны и шустры.
В боях поднаторели,
Ногой снеся забор,
Воочию узрели
Сверкающий Босфор.
Сведуши были князи
И мы не дураки,
Но скоро восвояси
Нас выгнали враги.
Карающие ножны
Судьба преподнесла...
За что же?
Псам ничтожным
Нет меры и числа...
Отбросив это дело,
Как раненая рысь,
Мы в отчие пределы
Поспешно повлеклись.

В итоге всех деяний
За несколько часов
Размножились древляне

До Муромских лесов...

6. Песнь шестая

В коей хитроумная княгиня Ольга мстит неразумным Древянам за своего любимого мужа, а также безнаказанно предаётся дипломатии с подлыми Ромеями, и чем это всё кончилось.

Не шведка и не полька,
Вослед за муженьком
Княжить явилась Ольга
На ступе с помелом.
Под ливнем, на морозе
(Послушай, ротозей!)
Она на перевозе
Краулила князей
И строила им глазки,
Сжимая кулаки,
Но чаще из опаски
Те минули силки.
Опишем крошку, други:
Финифть
И прочий хлам,
Головка,
Уши,
Руки,
И ноги по углам.

В конце заметим чётко,
Связав узлом уста:
Отменная красotka,
Чья совесть нечиста!
Кто жаждет Эвереста,
Кто хочет обладать,
Тот должен выбрать место
И время угадать!
Задумчива, жеманна,
Она сказала нам:

– Должна я быть гуманна
К безбожным ворогам!
Чтоб я древлян взлюбила,
Потребны меч и срок!
Пускай приносят мыло,
Веревку и пенёк!
Я свой восторг низрину
На агнецкий закут,
Как только домовину
Козлы приволокут!

И сразу – к мужней славе...
Не тратя лишних слов,
Засыпала в канаве
Живьём чужих послов.
Книксен исполнив мило,
Врагов швырнула в ров
И красных подпустила

Пугливых петухов.
Когда на барабане
Плясал Дажьбог канкан,
Княгиня Ольга в бане
Изжарила древлян.
Чтобы не слышать вопли,
Что исторгала рать,
Она в Константинопле
Крестилась вдругорядь!

– Я видела парады,
Их Кесаря,
их суд...
Ромеи – дипломаты
Не даром щи гребут!
Лишь раз вскочив со стула,
Заплывших дундуков
Я точно обманула
На десять медяков!

На длинной цапле верхом,
Крестить безбожных чтоб,
С трубой из Нюрнберга
Примчался епископ!
Заместо трёх сигарок
Для наших малышей
Он приволок в подарок
Прекрасный хор из вшей.
За ним влачились чётки.

Мы думали: «Навряд
Тевтонские чечётки
Кого-то вдохновят!?»
О, кто вы, милый странник?
Ктолический приор?
Застенчивый карманник?
Или домушный вор?
Когда мы снова в силе
И вновь в седле князя,
Вы что-то зачастили
С визитами, друзья?

Чудачества сей музы
Зело обрыдли нам...
Как говорят французы:

– Майн Гот! Шерше ля фам!
(О мой Бог! Ищите женщину!)
Убийства и обиды...
Гном сплюнет!
Рак не съест!
Но все ж non qua itur
Sed qua eundum est!
(Следует ходить не по той дороге,
по которой все ходят,
но дорогой справедливости!)
Потом мы труп отрыли
И у семи дорог
В коварный лоб забили

Осиновый сучок...

7. Песнь седьмая

Приводящая неистового ратоборца и неземного стяжателя благ Святослава Блаженно-Окаянного к бесславному концу в Берендеевой Чаще, где он по наущению подлых Ромеев был подкараулен Византиями и оскоплён головой на буйных Днепровских Порогах после зимней голодовки и спячки.

Вослед тому по праву,
Пред тем, как в землю лечь,
Вручила Святославу
Она двурукий меч.
Тот поднял вверх кровавый,
Разящий звонкий дар
И двинулся с оравой
На Вятичей,
Болгар,
На Ясов,
На Косогов,
На Жителей Берлог
И судеб очень много
Безжалостно пресёк.
Нет смысла спорить с веком...
При помощи крюка
Сетями по сусекам
Ловили колобка...
Отчизны верный папа

За год отправить мог
Экспансии на запад,
На север и восток.
Подход был очень резок.
Мы цепенели вдруг
От лязганья железок
И корчей смертных мук.
В борьбе без всяких правил
Конязь зажег фитиль
И в тартары отправил
Хазарский град Итиль.

– Согласья не нарушу!
Он вновь на них насел
И раздавил, как грушу,
Воинственный Саркел.
За жалобы и иски
Закрыв в корзине сыр
Посол Всевизантийский
Патрикий Калокир.

– Я прекращаю бриться!
Не изгнан будет бес,
Пока не возгорится
Борьба за Херсонес!
Твердил Никифор Фока:
«Я золотом залью
Обиженную щеку
Днепровскому вралю!»

О, отроки!
О дочери!
Во весь свой злой оскал
Константинопль, ощерясь,
Болгарию кусал!
Коль я чего-то стою
Пойдет за мной народ!
Господство мировое —
Вот цель моя!
Вперёд!
Болгарскую границу
Своим мечём поправ,
Перетащил столицу
Князь в Малый Переслав.
Когда мы отдыхали
От понесённых ран,
То в Византии ждали
Нашествие славян.
Войска снабжались крепью,
Мечами и едой,
Босфор замкнулся цепью,
Увы, не золотой.
Катилось дело в яму...
Сказал Руси Отец:

«Мертвец не имеет сраму,
На то он и мертвец!»

Всего прекрасней в мире

Надежда дурака —
На рыцарском турнире
Стяжать себе рога!
На 43-й миле
От Плачущей стены
Бандиты раскурили
Бутылку ветчины.
С погаными недолго
Боролся джентльмен —
В степи он напоролся
На харалужский член!
Мы в бой поднялись смело
В борьбе за новый мир,
Но в битве нас уделал
Свирепый Варда Склир.
Спасают волка ноги!
Зимою вдругорядь
Зачем ты на пороге
Решил заночевать?
Где голод – это знанье,
Где смерть всегда права,
Где стоит состоянье —
Собачья голова?

Вот здесь по божьей воле
Брат Цилис!
Бди!
Держись!
Мы дрались в Доростоле

За собственную жизнь.
Что есть мирская слава?
Индюшка под дрыном!
Мы череп Святослава
Наполнили вином.

8. Песнь восьмая

В которой происходит первая на Руси революция, из Византии выписываются коварные христиане, в результате чего напрочь сметается многовековой уклад жизни населения, что имеет далеко идущие последствия.

Сынок его беседу
Решил прервать... и с тем
Упрямую Рогнеду
Упёк к себе в гарем!
Такая, право, малость —
Разборка меж князей:
От Полоцка осталась
Лишь груда чёрных пней.
Сказать, что Время Мира
Настало на земле
С приходом Владимира,
Довольно стыдно мне.
Досье его заочно
Расследовать пришлось:
Циклопа сын побочный
И Этны Промахос!
Он взял трофеев много:
Девчонок и мехов
И золотом Стрибога
Засыпал до усов.

Путь к счастью очень долог.
Обычаи поправ,
Явились Ярополог,
Всетрах
и Буеслав.
Всяк жил небесной манной,
Всяк благ был и свиреп,
Но ящур негаданный
Забил их всех во склеп.
Владимир (между нами!),
Заласканный судьбой,
Накренился мозгами
И стал, увы, ханжой...
Тут проходимцев много
Пришло из разных стран:
Конфуцианцев,
Йогов,
Буддистов,
Бандерлогов,
Шпицшнауцеров,
Догов,
Быков,
Единорогов
И, ба, магометан!
Он всех послушал, млея,
Но прелестью икон
И запахом елея
Всё ж больше был пленён!

– На зрелища Ромеи
Горазды, спору нет,
Католики и свеи
Пусть катятся в лазеи!
На прочие затеи
Наложен мой запрет!
Христово дело свято!
Я стражник на часах!!!
Как Вы могли, ребята,
Втащить сюда Песах!??
Вы, братья, как хотите!
Нам смысла нет в тоске!
Нам, на Руси без питеи,
Как раку в кипятке!
Все прочие готовы
Бежать, чуть что, от уз!
А... эти... право слово,
Власть ценят!!!
Это – плюс!
Нет, Папа Римский сложен!
От Троицы – я в транс!
С Ромеями возможен
Приличный мезальянс!
Правитель волен грозный,
Начхав на вой гостей,
Решить вопрос серьёзный
При помощи костей!..

Чтоб в жёны взять царицу

В комплектацию к клинку,
Пришлось ему креститься...
Он нас погнал в реку!!!
Чтобы отсечь зелотов
С стрелами в кобуре,
Дивизии сексотов
Построились в каре.

– Пустили сопли, дуры?
Вопрос поставлю так:
Избегший процедуры —
Мой самый лютый враг!
Так развонялись черти,
К кресту сгоняя дур!
Подумайте о смерти...
Res tua agitur!
(Это ваше дело!)

Чтобы от зла и глада
Избавить сей же час,
Пожарная бригада
Крестила шустро нас.
Спросонок мрачной ранью
Мы плавали в реке,
Нежданной Иорданью
Нам сделали перке!
Псалмов раздались звуки,
С сука упал сосед,
Конец!

Христовы штуки —
Начало худших бед!
Во тьме гремели вопли,
Девичий голос пел,
Но навернулись сопли,
И трудный пот вскипел.
Боец блаженство стула
Не ведал ни шиша,
Настолько нас обула
Измена Плохиша.
Венец и перл нирваны:
Напившись ревеню,
Перуновы болваны
Предали мы огню!
Удел наш невезучий
Бежать в такую рань,
Вопя с днепровской кручи:

– Перунчик!
Выдь!
Восстань!
Скажите, Боги, разве
Навеки нам беда?
От назорейской грязи
Не деться никуда?
Раздался вой из лога:
«Природа, укажи,
Как можно стричь Стрибога
И жарить Мокоши?»

Три рода в гневе яром,
Напившись ревеню,
Отправились к болгарам,
Предав дома огню!
Нас радовал священник,
Блаженный Понтифор —
Причёска «Ведьмин веник»
И нос, как помидор!
Все это (Слава бденьям!)
Казалось поутру
Фантомом, заблуждением
Бездельников в миру.
От бедности ль, от трав ли,
От долгих зимних выюг —
Крестьяне в Ярославле
Сожгли христовых слуг!
И – нос морковкой, меря!
Так будет – и всегда!
Невелика потеря,
Скажу вам, господа!
Жрецы со всхлипом «Amen!»
Вошли на скотный двор,
Где философский камень
В помете погребён.

– Неважная затея —
В ночную неоглядь
Доктрины Моисея
Зулусам излагать!

Хотя стройна доктрина,
Но мы поймем навряд
Насчет Отца и Сына,
Когда кто кем зачат.
Для нашего ли сана
Молить, зудеть, кричать:
«Veni, sponsa, Libano!»
(Иди, невеста с Ливана!)
Куда её девать?
Что – что?
Какие шутки?
Уж, коль Христос воскрес,
Пусть жареные утки
Посыпятся с небес!!!
Буробят: «Некий гений,
Отдав концы, воскрес?!»
Нам нужно подтверждений,
А не пустых словес!
С чего мы будем верить?
С чего нам слушать вдруг,
Что нам долдонит челядь
Зарвавшихся князюг?
На небе, в ус не дуюя,
Дух, надо полагать,
Наивную, святую
Щемил Твою прамать!!!

Мы славили Ярилу,
Заглядывая в рот

Мефодию,
Кириллу,
Фоме,
Нафанаилу,
Антону,
Гавриилу,
Теренцию и Билу...
Или наоборот?
Один из них, меж нами,
Вослед пономарю
По арфе бил перстами
И угодил царю!
Слепящий свет науки
Пред нами воссиял —
Когда дошли до «Буки»,
То «Ерь» у нас упал.
Всего их было десять!
Сих гениев вотще
Всё ж надо бы повесить
За буквы «Ж» и «Щ»!
От дикой спешки в мыле.
Доставили скорей
Гонцы из Византии
Нам мирру и елей!
Прочь, подлые сомненья!
Перун наш устарел!
Глядь – крестное знаменье
Уж сотворил пострел!

Находчив русский гений:
С восхода до зари
По южной Ойкумене
Росли монастыри.
Монахи пели песни.
Смекнула наша рать:
Молиться интересней,
Чем сеять и пахать!
Нам долго будут сниться
Сюрпризы от друзей,
Попов передовицы
И клёкот конязей!
Теперь уже забыли,
Что многие рабы
В усердии разбили
О пол церковный лбы!
Мы сомневались честно,
Сомкнув навек уста,
Насколько здесь уместно
Явление Христа?!

S uma soshli mi, Bratia?
Chto deetsia, sosed?
Nevinnoye zachatie?
Kakoi-to dikiy bred!
Без всякого совета!
Как, впрочем, ни крути,
С овцой из Назарета
Коню не по пути!

Уж лучше выпить яду,
Чем так себя предать
И Похвиста и Ладу
На Савла променять!!!
Vranio tut, a ne chudo!
Vranio ot Az do Yat!
Christos! Vali otsuda!
E..li Tvoiu Mat!

Два кнехта при примате
Со свитой босоты
Зосима и Саббатий
Ушли, крестясь в посты.
Финал смешон, но жуток:
Шесть рук, две бороды,
Опустошив желудок —
Почили средь еды.

– Завидую – доньне!
Удачлив тот народ,
Что пишет по латыни,
И вензели не шьёт!
В смирене, в церковном сале,
Сгорая от тоски,
Мы в реку побросали
Последние венки!
Средь толп бродило мненье,
Что византийский фалл —
Василий за крещенье

Сестрицу обещал!
Толпа загомонила.
Конязь сомкнул уста
И тут Столпник-Педрила
Свалился из гнезда...
Скажу я вам, ребятки:
Мне гадко самому —
Крестили нас за взятки,
И спор тут ни к чему!..
Мы были слишком юны,
Чтоб до конца понять,
Что колесо Фортуны
Не повернется вспять!

9. Песнь девятая

Правдиво и толково повествующая о подобном саранче нашествии орды Тмутараканских Князей на посевы озимой репы, репчатого лука и гороха лукового, о печальных последствиях такого внезапного нашествия вредителей и что вообще случилось после саранчи.

Без всякого сомненья,
Эпохам гнусных свинств
Сопутствуют знаменья
И вороха таинств.
Был год, когда издали,
Подобно стаям тли,
По небу псы летали,
Надгробия болтали
И лешие ползли!
По небу плыли рати
Всё время ухал гром,
И с тучи богоматерь
Грозила кулаком!
Пусты у нас карманы!
Нам скучно жить без зол!
Князья, как тараканы,
Полезли к нам на стол.
Один махал руками,
А с ним его жена;

Другой стучал ногами
И требовал вина.
Мы забывали честно,
Был после или до
Владыка Поднебесной —
Князь Галочье Гнездо.
Наевшись до отвала
Ворованных котлет,
Князя вскричали: «Мало!
У вас порядка нет!
Вас развратила воля,
И блуд вас с толку сбил,
Но мы вас успокоим
По мере слабых сил!»

И стали шумно править,
Подобно господам,
И тут уж не убавить
И не прибавить нам!
Об их делах напрасно
Гадать не будем зря —
С кем спало Солнце Красно,
Где пукал Редедя?
Но это и неважно...
Во время бранных дел
Он пукнул столь отважно,
Что ангел отлетел.

Один изрёк: «Негоже,

Имея нищий вид,
Князьям ходить в рогоже!
Везите аксамит!
Тащите, как хотите
Трофеи в рундуки!
Несите!
Волоките!
Учтите, мужики —
Не стоят чёрствой корки
Недоуменный лик
И ваши отговорки...
Сюда!
И сей же миг!
Начнём с яйца!
С начала!..
Где золото?
Где сталь?
Где шкуры?
Нету сала?
Лентяи!
Смерды!
Шваль!
Час – блюду!
Время – делу!
Я смердов призову
К высокому уделу,
А проще – в кабалу!
Узнаете, как сладко...
Солдатов рой густой

Сейчас же для порядка
Примите на постой!
Нет стойкости в вас древней...
Нет веры!
Нет вины!
За это две деревни
Мы сжечь принуждены!..»
Почив отчасти в бозе,
Испуганный Гаврош
В весьма фривольной позе
Пополз на брюхе в рожь.

Натягивать поводья
Умели короли
И через час угодя,
Весь воздух вкупе с водью
Под брюхо подгребли.
Нет лучшего досуга
Для нас, посадских пчел,
Как холить лемех плуга
И стричь коня хохол.
Нет лучшего удела,
Чем всем поклоны класть,
Таская то и дело
Свой мёд в чужую пасть.
Ловить зверьё и птаху,
Валить столетний лес,
Окоченев от страха,
Поклоны класть монаху...

(Ты видел эту ряжу
С крестом наперевес?)
Набрав грибов корзину,
Зазорным не считай
Отдать им... десятину...
И прочее... отдай!
Что делать с детской жаждой
(Естественной сполна!)
Носить на шее каждой
Подобие кочна?
Когда у нас свободу
Отняли господа,
Вошло внезапно в моду
Всесилие бунта.
Забыли мы о сале,
Преданьям вопреки,
А по небу плясали
Драконьи языки!
Нас князь давил паскудно,
Сжигая и рубя,
А в летописях нудных
Нахваливал себя:

– Послушай, летопруха,
О взятках не трезвонь!
Мне кое-что по духу,
А прочее – в огонь!
Ты ведь неглуп отчасти,
Меж нами говоря,

История под власти
Ложится... и не зря!
Предтеча твой был гнида,
Ты, книгочей, гляди...
Запретного Тацита
Штудируешь, поди?
Вам, братья, каменюги
И самый Страшный Суд!
Да внидут божьи слуги
В земную снедь и блуд!
Сребро прибрав, детина
Трезвонил, как приор:
– И до заро-о-ка и-но! —
Святых неси на двор!

Ушел фокусник и дока,
Но как, когда, и где
Мы видели пророка,
Бредущим по воде?
Сей мужичок нетленный
Столь же приятен мне,
Как пузыри вселенной
И пятна на Луне...
Идите, братцы с миром!
Самим нужны штаны!
Библейские факиры
Нам вовсе не нужны!
Узрев, насколько явно
На Русь идет война,

Малютка Ярославна
Упала из окна.
Князья завыли: «Добре!
Не видно здесь ни зги!
Воскрुшим смердам ребра!
Раздавим позвонки!»
Докука не узнает,
Порука не поймёт,
Кто здесь кого кромсает,
А кто за чуб дерёт!
В ничейном огороде,
Где маются рабы,
Возможно мы подходим
К понятию Судьбы.
По мановенью гробы
Летали и паслись...
О пастырь хитропопый!
Великий Осмомысл!

Из тёпленькой юдоли
Князья шмыгнули в рожь.
Известно, что без соли
Далёко не уйдешь.
Мы думали: «Вот нива!
Вот – гречка!
Вот – фасоль!
Но отчего всё криво?
И вбок?
И исподволь?»

Мы вроде не дебилы?!
Есть репа и слюда,
Но отчего все силы
Уходят в никуда?
К чему безглазы власти?
За что с далёких пор
На нас летят несчастья
И слезы, и позор?»
Мы вопрошали это
У идолов в пути
И не могли ответа
Приличного найти!

10. Песнь десятая

О том, что автор услышал в раковине морской, о хитроумном князе Ярославe, прозванном лъстецами Мудрым и его косою жене, библиотеке и псарне и что вообще случилось ещё.

И вот России слава!
Дожили наконец
До князя Ярослава
По прозвищу Мудрец.
Князь родился новый
(Чудес не вижу в том!)
В корзине тростниковой,
В кольчуге со щитом,
С серебряною ложкой,
В рубашке (Я не вру!),
В сафьяновых сапожках
И с трубкою во рту.
Имел он голос звонкий,
Сребро считать любил
И в Библию ручонкой
Потыкать норовил.
Не вопрошайте, друже,
Откель известно мне,
Как он ловил лягушек
Удилищем в Днепре?

Он светским быть старался,
Неплохо басом пел,
На моду покушался,
Но в сём не преуспел.
Сморкался громко в стяги —
Донёс до нас Ротверг..
(Языческие саги
Никто не опроверг!)

Картинка в духе Брэма:
Великий князь любил
Грудастых иноземок
За их любовный пыл.
Нет, это не по теме!
И, радостью горя,
Описывать в гареме
Не будем визиря!
Отметим, не вникая
В семейные дела,
Что его дочка злая
Гаральду не дала...

Он долго жил на свете
И всё добро творил,
Но дети...
Ох, вы, дети! —
Он землю раздарил.
А дети от испуга
И жадности тотчас

Пошли тузить друг друга
Не в бровь, а прямо в глаз!
Удел нам тяжкий сужен...
О как произнесу?
Брат брата жрёт!
На ужин
Брат Сарыч съел Лису!
Мы так и не узнали
В чём смысл и цель борьбы,
Ведь города возрастали
Быстрее, чем грибы.
К нам влез, тесня довольство,
Посланец диких орд
И деверь беспокойства-
Гер Лёгкий Дискомфорт.
Махнул он в Суздаль смело.
Вопрос превыше сил:
Какою частью тела
Волхвов он задавил?
Реченье Ромуальна:

– Ваш трубадур и скальд
Не-про-фес-си-онально
С врага снимает скаल्प!

Как можно быть спокойным?
Как за решеткой петь?
Как в бесконечной бойне
Случайно уцелеть?

И это лишь начало
Больших чуланных битв,
Где Б. Матерь подкачала
С мешком своих молитв.
Весёлая компания
Металась вдоль границ.
От взлёта – до изгнания
Карьера этих лиц.
Творец не распознает,
Настолько всё темно,
Кто здесь кого кромсает,
А кто с кем заодно.

Волхвы и звездочей
Пришли в деревню Грязь,
Но мы их всех на рей
Развесили, взмолясь.
С невиданною силой
При виде божьих книг
К Сивилле Тупорылой,
Рыдая, он приник.
Кудесник нёс с амвона...
Послушать нам пришлось
Про зло Армагеддона,
Засунув палец в нос.
О благодать в Веки Оны!
Здесь более в чести
Вовсю кропать законы,
Чем оные блюсти!

Засранцы и засранки
Предпочитали те
Московские баранки
Московской мокроте.
И все – во имя, чтобы
Отплыть с «Торой» в руке
И близить час Потопа
И качки в Ковчеге.
Кресты,
Поклоны,
Хоры,
Видения и сны,
Как шишки с сикаморы
Иль финики с сосны!

– Прекрасно, скажем смело,
Что наш Христос воскрес,
Но все же ближе к телу
Нам шкурный интерес!
Презрев молитвы, пени,
Опять Христос воскрес...
О! Мене... мене... мене...
Mene tekel fares!
(Вас ждут несчастья и возмездия!)

Мы сбились к аналою,
Смотрели скорбно вниз
И путали порою,
Где Глеб,

А где Борис...
Об их печальной доли
И прочих чудесах
Такого напороли
В поповских ектынях,
Что ваш слуга покорный,
Прочтя сие, брюзжит
И с площади соборной
Откланяться спешит...

Однажды на рассвете
Отринулась соха.
Мстислав схватился с Редей
В борьбе за потроха.
И с воплем: «Не преемлю
Воздыкаться с вором!» —
Ударил Редю в землю
И тюкнул топором.
Кровь с княжеского шлейфа
Вкруг брызнула струей...

– Убейте Борислейфа!
Злодей – мой брат родной!
Эдмонт заплакал горько:

– Ой, братцы, не могу! —
И смачно тяпнул Борьку
Клинком по кадыку.
Убиты, так убиты...

Народ, смеясь, дрожал...
Сын лейтенанта Шмидта
Из Любеча сбежал.
На помощь Божьей Мамы,
За благостный зарок,
Он начал строить храмы
И всё крестил пупок.

Не будем в нашем стане
Устраивать совет,
Где место Таракани?
Сие большой секрет.
Гадая по просфоре,
Святые кирпичи
Ищите на Босфоре,
Иль где-нибудь в Керчи!
Идите и найдите
Прародину гробов,
Где сосланный Овидий
Скрывался от жлобов.
Настроенные колко,
Мы повалились ниц
Пред злобой Святополка,
Не ведавшей границ.
Делец, имея виды
На соль,
Табак
И мёд,
Любил менял с Тавриды

Кидать за годом год.
Невинных было мало...
На голые поля
Глухая тень упала
Со стен монастыря.
Монашенки (Приемлю
Сие, но не пойму!)
Закапывались в землю
И множились в гробу.
С утра до самой ночи
Сочтя колами дни,
Облизывали мощи,
Не зная, чьи они.
На переплёты (Боже!
Вот только бы не зря!)
Дьячки снимали кожу
С мошонки упыря.
Попы в скитах запели,
Во дрожь вогнав Бову:

«Запрись в холодной к-е-лье
И сядь на жердь в углу-у-у!
Расслабься осторо-о-ожно,
Почу-у-увствуй жар от ног
И глаз скоси сколь мо-о-ожно
На трепетный пупо-о-о-о-о-к!
Почувствовав благое,
Остри Господний нюх,
И ноздри сжав рукою,

Ищи, где бродит дух!
Томись, томись изустно!
Глотай одни хвощи,
А то, что очень вкусно,
Отбрось!.. И не взыщи!»

Да, парни были яры
Топить пчелиный воск...
Творит одни кошмары
Невыспавшийся мозг.
Восставший люд со страху,
Чтоб тот нас возлюбил
Папаху Мономаху
На Святки подарил.
Владимир знал, с кем знался,
Один монах – братан
За это так и звался
Сциписпис Мокроштан.
Божественная птаха,
Презрев сие лицо,
На шляпу Мономаху
Подкинула яйцо.
Владимировы позы
Правдивы, но бледны:
Он лил все время слёзы
И пысался в штаны.
О ярь деяний втуне!
Отчаянный бунтарь
Завёл среди петуний

Покаянный «Тропарь».
Что это? Холодея,
Вторгаются извне
Эпоха Водолея
И потный Марс в Овне.
К древлянам и варягам
В хоромы и дома
Вошла степенным шагом
Всевластная Чума...
Мы, видя, как он тужит,
Заплакали вослед.
Плещеевская Лужа —
Свидетельство тех лет.

Когда столкнулись оба
В овраге, Ваша Честь,
Он половца Русоба
Заставил кактус съесть!
В дыму свирепой драки,
Толкаясь от земли,
Серебряные раки
По храмам поползли.
Он не считался с нами
И Киева холмы
Так забросал церквами,
Что были в шоке мы.
К войне от тихой дремы
Слободку понесло:
Свирепые погромы

Смутили нам чело.
Крестьяне были хмуры,
Вердикт их был суров:
Не надо рвать три шкуры
Со смердов и рабов!
Какая страсть и сила!
Его во сне благом
Жена перепилила
Могучим языком.
Так Божий соглядатай
И грешный человек
Нагорною колядой
Закончил долгий век.
Летописец Ананья,
Перо засунув в рот,
Приводит завещанье,
Где плакса вопиёт:

«Живите, братья в мире,
Не ведая вражды!
Давайте ход секире
Лишь в случае нужды!
Сажайте всюду тую!
Пеките кирпичи!
И сапоги вкрутую
Тачайте на печи!
Работайте на ниве!
Не тем Христос воскрес,
Кто чувствует к наживе

Глубокий интерес!
Где тот злодей, который
Христа, Злодей, не чтит
И булки от просфоры
Вовек не отличит!»

Святейший на обедне
Вниманье занимал
И нёс такие бредни,
Что Фокий подвывал...
Залился небожитель
Про стогны и гробы...
Кошёлка – вот учитель
Бесштанной голытьбы!

Там, где лисица рыщет,
Где множится дрофа,
Возрос невидный прыщик...
Ба-а!
То была Москва!
«Москва – твердили внуки, —
Златой престол, балда!»

Для нас же в этом звуке
Печаль и пустота.
Спешу заметить с болью:
Молчали чёрти, Бог,
Увы, торговля солью
Чревата для пройдох!

То было время Оно:
С сапог счищая грязь,
Нытье Иллариона
Мы слушали склонясь!
Илларион Пилатов,
Живя среди могил,
Двенадцать постулатов
Дотошно swoкупил.
Придворных служек ворох
Твердил нам год подряд
Что выдумал он порох...
Но это уж навряд!
Ему рабы внимали:

– Он хлеб и пиво спас!
Его удеи пjali!
Быть может, и не раз!
Христос был человеком,
Таков иль не таков,
Питался женским млекоМ
До сорока годов!
Довольно гадки свеи!
Весьма поган Варлаф!
Неправы иудеи!
(А кто пред Богом прав?)

Читатель будет первым,
Узрев из-за стола,

Куда Сова Минервы
Прострёт свои крыла!

11. Песнь одиннадцатая

*О том, куда отлил конь князя Андрея и об основании
приснопамятной Мошквы, до коей у нас нет никакого дела,
но у которой, как оказалось, есть масса дел до Нас.*

Пока здесь антреприза,
Разведаем пока,
Что было за кулисой,
Под полом чердака?

Личиною бульдога
Спугнул всех сизарей
Большой поклонник Бога —
Свирепый князь Андрей.
Когда диктуют свитки
Закон отцов забыть,
Жениться на Улитке,
То как её любить?
Рванув на горле ворот,
Андрей благословил
В том месте новый город,
Где конь его отлил
Смотрите, из-под стула-
Москва!
Москва видна...
Speciosa miracula!

(Блистательное чудо!)
Родила мышь слона!
В толпе заметил кто-то,
Не смея губ разжать:

«В треклятое болото
Не внидет благодать!»

Изрёк Песков мосластый,
Не зная, что сказать:

– Работать не го-ра-зды!
Го-ра-зды есть и с..ть!!!!

Незвиздя почемучку,
Превожденный вор
Вонзил железо в Кучку,
И сок о плащ отёр...
А дочку взял...
В серале,
Где мётлами мели,
Ей место указали —
Направо от двери!
Советовался ль с нами
Историк абы где,
Когда писал вилами
И плугом на воде:

«Здесь выдюжит не всякой,

Не всякой выест плешь!
Держись, браток!
Не какай!
Не пысай!
И не ешь!
Священна Русь Святая,
А это все – божки!»

Из Киевского рая
Князь выпустил кишки!
Предаться что ли одам?
Посадских удивить?
Он мог ходить по водам
И рыбой всех кормить!
За истину, за веру,
За совесть и за страх
Мы добывали серу
В отрезанных ушах.
О казусе не зная,
От горя и тоски,
Девицы на Дунае
Взревели, как свистки. Он взнес до неба стены
И захрапел...
Тогда
Слепящий меч измены
Прервал его лета.
Под храп блаженной рати
Слуга из слуг Амбал
Андрея шутки ради

Булавкой протыкал.
Преступников найдёте,
Где не найти уму:
Убийц его в болоте
Топили, как Муму!

12. Песнь двенадцатая

О разорении многочисленных городов и земель коварным и злокозненным ханом Батыем и о других непрекращающихся народных бедствиях и обломах.

Одолевая горы,
С огромных крыл взглянём
На скорбные просторы,
Объятые огнём.
С Востока злые лица
Взирали чрез забор
В надежде поживиться
От сих семейных ссор.
Какие были речи!
Чихая и смеясь,
На Новгородском Вече
Вся банда собралась.
Осталось помолиться,
Накваситься,
Напиться!
Радетели земли,
Князя договориться
О сферах не смогли.

Монах излился устно,
Его посыл таков:

«Бойцы отшибли гузна
О древки степняков!»
Подъяв в смятеньи штофы,
Люд слышал у реки
Грядущей катастрофы
Раскаты и звонки.
Мы волокли со свалки
С оружием мешок,
Когда конфуз на Калке
Нас вверг в тяжёлый шок!

На поле грозной сечи
Кровавый лёг багрец...
Мессир!
Гасите свечи!
Всё кончено!
Конец!

Увидев, что в июле
Иссяк у нас задор,
Толпою, на ходулях,
Сквозь дырки,
Чрез забор,
Ползком,
Гуськом,
Вразвалку,
Спешившись, на конях,
Схватив копье и палку,
Умножив гнев и страх,

Полезли роем ханы,
Вопя: «Банзай! Намаз!»
И быстренько карманы
Подчистили у нас.
Продали мы свободу.
И как тут ни взгляни,
Славянскую породу
Испортили они!
Конец мирскому ладу...
Восточный человек
Повёл свою армаду
По льду хрустальных рек,

– Довольно жить во хламе!
Ударить в барабан!

С железными рогами
Явился Чингиз-хан.
Знакомства ради с нами
(Такой вот парадиз!)
Он стал стучать ногами
И требовать кумыс.
Мы глохли в диком гаме!
Родной монгольский князь
Огромными шагами
Занёс к нам в сени грязь!
Имущество сгорело,
Дымился чад с утра,
И в воздухе висела

Икона св. Петра.
Князья, пока мы бились
В грязи, в лесах, в снегу,
В Силезии сокрылись,
Оставив нас врагу.
Что трубный глас из чрева,
Коль зло со всех сторон!
Один бежит налево,
Направо – легион.
Кто втуне жаждет хлеба,
Кто грезит о рубле,
Кто все смотрит в небо,
А кто лежит в земле.

«Сороки трескоташа...»

– Знать, наломала дров
Пассионарность наша, —
Сказал бы Гумилев.
В смятении великом
В весёлый день Петров,
Виляя, с диким криком
Народ стремился к пикам
С наверхьями голов...
Всё было! Право – слово,
Как мифы говорят,
Сомнения Бушкова
Меня не убедят!
Для чаянья иного

До самых Белых вод
Мы матерное слово
Вводили в обиход!
Когда у всех в кармане
Раздался тихий гром,
Платить мы стали дани
Пушниной и серебром!
Князьям, попам, монголам
И прочим (Страшный Суд!),
И славим их, глаголам
Благим не место тут...
Забыли мы про ссуды,
Про сытость и уют!
Баскаковы отсюда
Фамилию ведут!
Знакомые напевы!
Есть двойственность в словах...
Кто эти белки?
Девы?
Иль мыши на деревьях?

– Всех ждут большие драки...
Вердикт судьбы суров! —

Космические знаки
Тревожили волхвов-
Безгласые беседы,
Потоки саранчи,
Погнутые монеты

И ржавые ключи!
Зевс молнией рыгает,
Линяет небосвод,
И путь пересекает
Все время чёрный кот,
Накрённая сфера,
Пустой кувшин без дна
И гибкая пантера...
Откуда?
Кто она?
Волхвы в лесах молились,
Но, Боже, Боже мой,
Какие сны нам снились
Той гибельной зимой?
Ввалился к нам не гений,
А так себе, Фока!
Не нужно приглашений
Владельцу кулака!

Вослед за тем с оравой
Хан Бату прискакал,
И нас накрыл кровавый
Войны девятый вал.
Монгол был не убогой
Блажной, он дружно пёр
Единственной дорогой —
По руслу рек, озёр,
Порой сминая сушу...
Не хватит ревеня,

Чтобы очистить душу,
Вкусившую огня!
В ту зиму все метели,
Крутя вокруг пшено,
Стремительно слетелись,
Как мухи на гумно.
Несчитанные тыщи,
Вломаьсь на скотный двор,
На попранном гумнище
Раскинули шатёр.

– Эй, вы!
Давайте пени!
Блюдите все намаз!..
Тут много дребедени
Обрушилось на нас.
(Есть разная посуда,
Но нету ни следа
Ни слова о верблюдах
В Коране, господа!!!)
– Молитесь! Я украсю,
(О щен!
О грязь!
Холоп!)
Черниговскому князю
Фингалом медный лоб!
Я знаю беды ваши,
И вас, друзья, зову
Глотать из полной чаши

Кипящую смолу!

Была нужна нам книга,
И к ней благой совет,
Взамен нам дали иго
На пару сотен лет!
Охрипли мы от вою,
Взлетела к небу дрань —
С дорожною землёю
Батый ровнял Рязань!
Седлав коней, талибы
Умчали дев с собой...
Сказали мы: «Спасибо!»
И глаз скосили свой!
Вершина славы нашей —
Согнутый долу стан...
Горшок с ячменной кашей
Прозвали мы «кумган».
За мизерные дани
До неба от земли
Монголы на аркане
Провидцев волокли.

– Пусть лбами бьют страдалцы!
Вот – хобби для рабов!

Монголы даже пальцем
Не тронули попов!

– Перстом полмира овил!
И верных сохраню!..

Татарам он готовил
Великую резню.

– Рабам не нужны знания!
Побольше им гробов!
Уроки послушанья
Полезны для рабов!
От всех речей досужных
Пресвитеров-скопцов
Всё более послушных
Маньяков и глупцов!

Мы затянули ту же
Кишки и пояса.
Монгольские «катюши»
Загнали нас в леса.
У нас остались силы
На сжатые уста,
На братские могилы
И ямы без креста.

На рынке, на вокзале
Лисица и Хорёк
Всё к совести взывали,
Но... слямзив кошелёк.
Сравняв с землею стены,

Сметая полой рать,
Батый скакал до Вены,
Потом пустился вспять.
В сумятицу такую
В испуге (ого-го!)
Тевтоны мировую
Просили у него.
Монгольский мальчик мило
(О сем не умолчу!)
Германского верзилу
Похлопал по плечу.
Монголы были – сила!
Нередки и легки
В карьере Даниила
Поклоны и пинки,
Сидение у ханов
В прихожих юрт, в грязи,
Без вилок и стаканов...
Ах, Боже, упаси!
Не в службу и не в дружбу
Монголы нам на грех
Ввели ямскую службу
И перепись для всех.
Мы новым хамам вчуже
Сбирали лучший дар,
Но... князь родной был хуже
Монголов и татар!
Разбрасывая дани,
Россия поползла,

Как раненый изгнанник,
Разъятый духом зла!..

13. Песнь тринадцатая

В коей предстаёт во всей своей красе и амуниции Феноменальный Александр Невский и пускает немецких псов-рыцарей на дно Ладожского озера при чудовищном истечении народа, при барабанной музыке и ликовании крестьян, а потом умирает, отравленный ханом Доболтом ядом аравийского хамелеона, и о погребении оного в долбаном корыте.

От всё объявшей дряни
Спасая честь и жизнь,
Тут многие славяне
На север подались,
Ища приличной доли,
Не смерти,
не сумы,
И новгородской воли
Хоть раз глотнули мы.
В Европе что за нравы?
К обеду не зовут,
А к нам чужие павы
Несут свои уставы,
Распятыя волокут!
Крапят чужим елеем,
Скрипят на каблуках,
Трезвонят: «Порадеем
О ваших кошельках!»

Горланят, как в борделе,
Гребут в один присест...

Такое в самом деле
Любому надоест!

Как могут эти страны —
Замойка,
Чудь
и Бредь,
На тришкины кафтаны
Претензии иметь?
Когда нас стало много,
Как карасей в судке,
Во Псков явился Гога
С свиньёй на поводке!
С поклажей из Утрехта,
Мальчишки – пришлецы,
Явились строем кнехты-
Весёлые певцы!
Недрёманные уши...
Священный аналой...
Магистер Грабилштюхер
Запахивал полой.
(Избранники в котурнах
С налёта отличат
Ареев белокурых
От смуглых монгольчат!)

– Сегодня я молился
За наш успех стократ! —
Магистер обратился
К молчанию солдат:

«Друзья!
Победа – смелым!
А вам – побольше дров!
На все сосцы Кибелы
Врагу не хватит ртов!
Веду к концу сказанье:
Нам это по плечу
И наше упованье —
Лишь к Богу и мечу!
Эй, подлые бродяги!
Эй, сукины сынки!
Вздымайте выше стяги,
Хоругви
И клинки!
Довольно обороны!
По мере слабых сил
Возьмём мечом гранёным,
Что Бог нам дать забыл!»

Где ты, о время оно?
Не скрою – предок мой
Стоял в ряду тевтонов
С железной булавой.
Прощайте, трубадуры!

В финале – страшный сон —
Мой предок белокурый
Здесь схвачен и пленён.

Нам думалось вначале,
Что рухнул неба свод,
Но мы не подкачали —
Подали к пиву лёд!
Пыля снегами, быстро
Неслась на нас дуга...
А мы? А мы магистру
Снесли мечом рога!
Отлично немцу вдули!
В плащах, как домино,
Железные кастрюли
Без звука шли на дно.
Удел нам славный сужен:
Со свитой заодно
Тевтонов пару дюжин
Пустили мы на дно.
И вмиг сокрылась банда!
Решеньем всей земли
Конязя Александра
Мы Невским нарекли.
И раньше с немцем бились,
И был исход другой,
Мы крепко возгордились
Викторией такой.
Хвала его заслугам!

Народ его любил,
Хотя с раскосым другом
На брудершафт он пил!

– Меня изводит греза:
Я, будто наяву,
Всех братьев перерезал
И сбросил их в Неву!
Затем в сомненьи яром
Я взял на душу грех-
Поведал сон татарам,
И вызвал дикий смех...
Готовит Чёртво Влтаве
И дьявол – на Десне...
Что это – грёза яви
Иль это явь во сне?

Чрез пару дней в печали
В коровьей борозде
Его мы прикопали...
Уже не помню, где...

Итак, за око – око!
И ужасы – за страх!
У нас песок востока
Доныне на зубах!
А надо было, братцы,
Без дела не блажить!
С Востоком не ругаться,

А с Западом – дружить!

14. Песнь четырнадцатая

*Воспевшая борцов против засилья мсковского и о мскве,
не любящей пахать на болоте, но любящей поесть на чуж-
бинку.*

Народ, потупясь хмуро,
Считал часы и дни
Средь полного сумбура
Набегов и резни.
Ужасная примета,
Знак голода и зла —
Алмазная комета
Полкняжества снесла.
Михайло рядом с нами,
Склоняя города,
Два раза бил рогами
В московские врата!
Михайло из-под Твери
Коварно был убит,
Закреть пытаясь двери
Пред носом московит.
Необъяснимый случай
Обрѣк его дела —
Москва лизала лучше
Ордынского посла!
Он, не смутясь нимало,

С усмешкой на лице
Посланника Шакала
Спалил в пустом дворце.

Вперёд!
И Бог – с тобою!
Его в пути найду
Влекомого судьбою
В постыльную Орду.
Конец его известен.
Творю ему поклон.
Кто в этом мире честен,
Тот часто обречён.
Пред ним склоняясь, други,
Возопию с тоской:

«Что значат все заслуги
Пред подлостью людской?»

15. Песнь пятнадцатая

В коей не описываются битвы Ивана Калиты с пугливыми обывателями и Великаном Дуфуней, но приводятся отдельные малозначительные подробности его преужасной жизни во имя Благовеста, восхваления кривды и расстиланья перед монголами.

Хотя мы не хотели,
Отняли у плиты
Нас пошлые затеи
Ивана Калиты.
Волшебный сон – дотоле,
От предков – змей и птиц
Имел он божьей волей
Двенадцать ягодиц.
Наращивая пузо
С гусём и кучей книг,
Он радовал Исуса,
Как верный ученик.
Такого Антиноя
Не мог не знать народ,
Средь ягодиц героя
Блуждал он целый год.
На час оставим оды...
Князюга предпочел,
Чтобы не быть без мёда,

Давить посадских пчёл...
В карманах было голо
В правленьё Кошелька,
И шляхты, и монголов
Он верный был слуга.
Исправно вёз подати,
Творил неправый суд,
Не забывая, кстати,
Давать подачки рати,
Стращать плачевный люд.
Его агенты – волки...
Монголы без плюсны
Ретивостью Кошёлки
Весьма удивлены.
Теперь я знаю, друже —
Сметая закрома,
Он был гораздо хуже
Монгольского ярма!

– Отдал монголам целок,
А в нас вбивает страх! —
Вот тема посиделок
В рязанских деревнях.
В твой квак мы верим, жаба,
Как верит хан в гарем...
Esse oportet, Papa,
Mendacem memorem?
(«Папочка, лгун должен
помнить, что говорит?»)»)

Медведей на манеже
По мере слабых сил
Сиргей из Радонежа
Просфорками кормил.
Кто б знал, была ли польза
От звяканья ключей,
От причитаний бонзы
И всех его речей?
О, образ, плембсу милый!
В чертог небесных роз
Архангел златокрылый,
Вспорхнув, дельца унес.
Как призрак, в этой книге
Мелькнёт виденье вдруг —
Герр Янус многоликий,
Иль Шива с лесом рук.

16. Песнь шестнадцатая

Об идущем к концу монгольском правлении, о смеха достойном походе Мамайя вместе с Тамерланом, и куда их завели непредсказуемые пути Господни, а также о великих чудесах, тогда же приключившихся.

...Тимур, отбив на зоне
Все лучшие года,
Скатился на попоне
С Кавказского хребта.
Увидели мы снова
Прозящего оброк
Железного Хромого
С напёрстком между ног.
Когда иссякла манна
И прочая маца,
Мальчишки Тамерлана
Добрались до Ельца.
Все было очень мелко:
По крупному игрок
В Ельце нашел свистелку,
Рогульку,
Плуг,
Дуделку,
Торчалку,
Гроб,

Вертелку,
Мочалку,
Сук,
Пыхтелку,
Лопату
И горшок.

Он завопил: «Трофеи,
Подобные таким
Пускай берут вореи,
А мы повременим!
Зачем я здесь, пройдохи?
В какой попал я дом?
Я что, старьевщик, крохи
Ворующий тайком?
Какая тут пожива?
Кругом горшки (О Русь!),
Сработанные криво...
И это всё?
Я – злюсь!!!»

Но как расстаться с призом?
Тимур был так бесстыж,
Что здесь столкнулся с лисом...

– Здорово, Тохтамыш!

Братве высокопарной
Один из них сказал:
«Ты – друг неблагодарный!»

«А ты – плохой вассал!»

Надев на уши лыжи,
Железный аксакал
Скакал за Тохтамышем
И близ Москвы догнал.
Так разогнались кони,
Что (Боже! Упаси!)
Он влип в пылу погони
В болото на Руси.
Его-то мы застали...
С поникшей головой
Без сабли и медали
Он плыл, едва живой.
Прознав сие, в столице
Ворота рвал народ,
А Богу помолиться
Послал попов вперёд.

Полнеба в клёцках рьяных,
Туман ползёт густой,
С Кремля в тонах багряных
Спускается святой...
Заплаканная рожа,
(Вы видели его!)
На вид – скелет и кожа
И боле – ничего!
Топтался поп упорный
Под стенами Москвы

В обвислой рясе чёрной,
С иконой чудотворной
И завывал псалмы.

«Святейшая Марина —
Защитница сирот!
И до заро-о-о-оооока ино!
Опять сюда грядёт!
Охо-охо-охохо!
Охохо-охохо!
Хохо-хохо-хохохо!
Охо-хо! Охохо!
При виде Трисмегиста,
Погрясшего во зле,
Ждём Езуса Хориста
С тиарой на осле!»

Тут мы собрались снова
И разбрелись поспать,
Надеясь, что любого
Поп может напугать!
Как только слушать боле
У нас не стало сил,
Поп на Кучковом поле
Сто кучек навалил...

Наутро злой, на взводе,
Истасканный народ
Просил у богородиц,..

Но те набрали в рот!
Смотря на эту слякоть,
На царство пней и гнид,
Тимур не чаял плакать,
Но зарыдал навзрыд,
Сбежал, забыв кальсоны...

«Т а к Т р е т ь е г о Ч и с л а
К а з а н с к а я И к о н а
О т е ч е с т в о с п а с л а !!!»

(Понятно, что хотели
Бояре и народ!
Что ж было там на деле,
Нам Нестор донесёт!
У нас бытует мненье,
Что зло изводит зло...

Кошмарное виденье
Тимура потрясло:

Язвило мстил татарам,
Проклятья слал врагу,
И моль одним ударом
Калечил на скаку,
А тут одна скаредность!
Лампады да кули!
Какой-то сброд!
Да бедность!

Да он – дурак в пыли!

– Бараны!
Уничтожу!..

Он рухнул на попа,
В трубу увидев рожу
Seruschego попа...

– Словить капканом служку!
Доставить!
Обтереть!
Я что, сюда порнушку
Явился лицезреть?????
Я что вам тут, пройдоха?
Что это за ...ня?
Я вижу, очень плёхо
Ви знаете меня!
Поймать сей час страдальца!
Что это за народ?..

Но поп, зарясив яйца,
Нырнул в кротовый ход...
Через несколько мгновений
В другом конце возрос...
Монгол от унижений
Закрыл чалмою нос...

Прекрасно! Замесили

Мы целый чан с говном,
И здесь Езекииля
Отправим за руном...

Замечу: год от года
И чаще на войне,
Является природа
На нашей стороне.
Димитрий – злая сила,
Просить Богов не стал,
Ярлык у Михаила
На Тверию украл.
Померкло солнце снова,
И омрачился край —
На поле Куликово
Явился хан Мамай.
Замрите, папарацы,
Забыл он не со зла
Что смена декораций
В стране произошла!

Задать хотел нам танец
Безродный пилигрим,
Индус и африканец
Скакали вслед за ним.
Искатели победы
Вступили тихо в рожь:
Монголы, немцы, шведы
И генуэзский дож.

Блестящая сталью, в меди
Явились, голоса,
Клыкостые соседи,
Свирепые друзья.

Ягнят молочных жарят,
(В бою – как на войне!)
В кустах чего-то шарят
И серут на стерне.

Лампасы.

Сабли.

Тульи.

Посланник Триперфле
Монеты прятал в ульи...
А мёд хранил в дупле...
Да, было очень жарко,
Привез нам друг степной
Не лучший из подарков-
Се-Филис бытовой...
Пока мы плачем кличем,
Свою степную сечь
Монгол коротким спичем
Пытается зажечь:

– Товарищи! В овраге
Тасуются враги!
Там бочки спелой браги!
Большие бутыляки!
Ватрушки!
Пирог!

Друзья!
Весьма неплохо
Горячего поесть!
Есть супчик из гороха!
Сыр козий?
Тоже есть!
Есть лошади и сбруи!
И что-то вроде нор...
Не смогут рокосуи
Достойный дать отпор!
Я так люблю в Европе
Резвиться, господа!

Но мы его по жопе
Ударили тогда!

Они умели биться
Плечом к плечу, в пыли!
Он предал итальянцев
И ...лийцы полегли.
Чтоб не ушёл с концами
Кудлатый в поле ржи,
Коли его щипцами,
Режь дундель!
Потроши!
Бежит!
Бежит, бродяга!
Неужто это былъ?
Упало древко стяга

В клубящуюся пыль.
Победные голубки
Полночную порой
Делили ткани,
Кубки,
Мечи,
Полотна,
Трубки,
Брильянты,
Мясорубки
И взбили пир горой!
Расстройство энуреза!
Жизнь родины вдали
Мамаю гемуэзы
Поспешно пресекли.
Народ был озабочен:
В морозном январе
Устойчиво не очень
Стоянье на Угре!
Сто лет в Стране Советов
Носили кирпичи
Кихот из Назарета,
Исус из Ламанчи.
Татарину на гичке
Сказали мы: «Привет!»

Но дани по привычке
Везли ещё сто лет!

17. Песнь семнадцатая

В коей нет ни сногшибательных волшебств, ни таинственных происшествий и о содержании которой автор узнал в последнюю очередь, после издательского метрапанжа, слышавшего текст большой канонической луной.

Вослед за тем веками,
Устав от свор и драк,
Мы щупали руками
Тяжёлый, вязкий мрак.
Народ еду канючит,
Рыдает и сопит,
Москву все время пучит,
А та чрез день горит.
Смотрели мы упорно
Поверх чужих голов
На мох камней дозорных
И слизь сырых углов.
А он, как говорится,
Как Христ, по мере сил,
Сушёною плотвицей
Весь город накормил!
Мы руки взяли в ноги,
Когда принес нам Глист
«Видение Евлоги»,
«Брак в Канах»,

«Акафист».
«Псалмы святого Мони»,
«Победный патерик»...

Всё остальное тонет
В грязи церковных книг!

Устраивая драки,
Толпою из Твери
Явились (Паки-паки!)
Искатели земли —
Угрюмые Шемяки,
Ругаясь, как собаки,
И нас поизвели.
Роскосые в халате
На запах приползли,
Василию в Умате
Отрезали рірі.
Мы не могли, хоть тресни,
Рулить своей судьбой,
Отсюда наши песни —
Тоскливый волчий вой.

18. Песнь восемнадцатая

О хитроумном устройении хитромудрого Московского государства и о дотошном сбирании чужих земель Иваном Очередным.

О горняя нирвана!
Мы взяли ревеню,
Узревши Иоанна
Сто Третьего клешню.
Как только эта цаца,
Мослы спустив с печи,
Начнет зубами клацать —
Хоть караул кричи!
(Могу отбросить орды!
Мне это по плечу!
Но строить Рим Четвёртый?
Я... Третий – не хочу!)
О век ужасный адов!
Московский альгвазил
Брать пленных депутатов
В заложники любил.

– Народ!
Стоять!
Не дрейфить!
Помазник у руля!

В Московском Третьем Рейхе
Я – Государь Всея!
Хоть и весьма далече
Аж триста лет подряд
Собираются на Вече,
Начальство тормошат!
Развратная картина!
Но коли захочу,
У наглого павлина
Я хвост укорочу!
Я этим вставлю рожны!
Проверю их дела! —

Лик дикий, безнадёжный
Москва приобрела...

А вот и Дума!
Мимо!
Скорей под отчий кров
От своры подхалимов,
Врунов и молчунов.
Скажу вам не в обиду:

«Для друга и врага
Один почётный титул —
Царюревый слуга!»
Играть не будем в прятки!
Все вместе возопим:

«Простой вопрос без взятки
В России нерешим!»

Увы, мир одинаков,
И я рыдать готов
Пред ложью думских дьяков —
Сверхалчных, злых котов.
Бродили, кичась саном,
Нувориши вдоль гряд
С до блеска бритым чаном
И бородой до пят.
Мы знали: пряник сладок,
Коль сам стремится в рот
И мерили достаток
Тем, сколь велик живот!
Цвет лиц смоваров медных
И этот алчный взгляд
О подлости бессмертных
Столь явно говорят,
Что спор здесь неуместен...
Где властвует ворьё,
Кто прям и добр, и честен —
Тому здесь не житьё!

День гас.
Дома,
Соборы,
Остроги
И ларьки

Скрывались за заборы,
Тесовые заборы,
Задвижки
И замки.
Радетеля и друга
Забыв во тьме ночной,
Голодная прислуга
Сбиралась на разбой.

Читатель мой! На веру
Прими разбойный суд:
То в горнице насерут,
То сени подожгут!
В проулках недоумки
(О стрёмные миры!)
Ножами рвали сумки
У дам и детворы.
Дела убийц кровавы!
И тут бессильна рать!
Я слаб, чтоб эти нравы
Достойно описать!
С наивной, глупой рожей
Бредущий Симеон,
На вервия похожий,
Заране обречён!
Днём дремлет Мельпомена,
Прикольно знать, каков
Люд, жмущийся по стенам
От царских повозков?

Да, вид у паствы жалок,
Когда в фаворе вор!
Мы жмёмся от мигалок
По стенам до сих пор!
Бездомного страдальца
Напомнит сей народ —
Он сам себя вокруг пальца
Три раза обведёт!
Обставит!
Обмишулит!
Бардак произведёт!
Уделает!
Обжулит!
И трижды обкрадёт!

У русских женщин ножки —
Гармония сама!
Пурпурные сапожки
Сводили их с ума!
Я (Друг, давай завоем!)
Их лиц не различил
Под штукатурным слоем,
И залежью белил!

Чтобы не слышать писка,
Что тощи закрома,
Царь начал дело с сыска
И преуспел весьма.
Мы злились то и дело,

Видать нам Бог сулил
Вложить в сыскное дело
Тьму денег, лет и сил.
Удел высокий, друже:
Как (Надо изучить!)
Рвать ногти,
Резать уши,
Кромсать,
Рубить,
Членить?
Откуда столько злости
У братьев и сестёр?

Мы складывали кости
В один большой костер.

– Сведя к трем фазам знанье,
Я должен заявить:
«Костёр колесованье
Не может заменить!».

Известь свободу вправе
Свирепый божий сын...
Волк Курицын,
Рукавин,
Неистовый Башкин —
Свободы юной дети,
Взвиваясь головой,
Горели в чёрной клети,

«Язык извесив свой»!

Военное искусство
Московских воевод
Скорее тешит чувство,
Чем строим отдаёт!
Визг труб в широком поле!
Гудки со всех сторон,
Похожие до боли
На звуки похорон!
Характер этой рати
Едва ли уловим —
Свирепый натиск сзади
И бегство вслед за ним!
Поставщиков канальство!
Картонные курки!
И воевод бахвальство,
Мол, мы не дураки!
Вздываются над прахом
С вервьями в руках
Попы в больших папах
И бонзы в шишаках.

– Гоните прочь посольство!
Довольно трудно ведь
Солдатское довольство
Без лупы рассмотреть!
Солдат!
Ты служишь ловко!

Работаешь, как чёрт!
Гроб – шмоб – экипировка
За твой, голуба, счёт!
Зарплата – три полушки!
В год!
В год, мой дорогой!
В обед шрапнель и сушки!
На ужин – хлеб с водой!
Отбросившим копыта
От хворей и трудов
Паёк: три ложки жита...
За выслугу годов!

Тут было два солдата —
Рогвельд и Мисаил,
Но запах сервелата
Их сразу развратил!
Мы честно полагали,
Что лучший раб – живой,
И часто убегали
Из лагеря домой!
Колокола звонили
И было ясно нам —
Рекрутов псы ловили
Сетями по холмам.
Для пойманного – тризна!
Орал сержант Мордин:
– Блин!
Родина!

Отчизна!
Стоять!
Куда ты?
Блин!
Иван,
Арнольд
И Отто
(Я видел это сам!)
Махнув на идиотов,
Попрятались в болотах
По норам и лесам.
Преображала тризну,
Как ныне, так истарь,
Накачка: «Мол... отчизна!..
Мол... Бог!...
Народ!..
И Царь!..
Мол, твой удел – работа,
Молитва и посты,
А кушать будет кто-то!
Но кто сказал, что ты?!
Саксоны лили в ухо:
«Beschuvstvenni narod...
Ih fucking pokazuha
Vo grob slavian svedët!
Im chto, urokov malo,
Im malo prazdnih slov,
Falshivih ritualov
I Lzhi iz vseh uglov?

Pora bi uzh, vzrosleia,
Poniat vpolne, gde zlo!
Ne mozhet eta sheia
Terpet vsue iarmo!

– Иди, служивый в поле,
Там майся, гоноши
И там, в бою на воле,
Каков ты, покажи!
Признаюсь вам, о Боже,
Доныне отдает
Дух сырмятной кожи
От этих воевод...
Начальники, как дети,
Тень чёрного кота
В неосвещённой клети
Поймает кто? Когда?
В грязи и в глине нега,
Издевки подлеца,
От кухни – до побега —
Путь честного бойца!
Начальники безбожно
Качали головой:
Купить все званья можно,
А честь – ни в зуб ногой!

Бросая решку ловко,
Наёмники войны —
Поляки нас с издёвкой

Прозвали «свистуны».
В ответ, за то, что немы,
В речах – ни в зуб ногой,
Пришельцев звали все мы
«Заречной немчурой».
Мы думали: «Оравы
Как мёд, сюда влечёт,
А немцы, вроде, здоровы?
И... деньгам знают счет?
Давно бы сделал ноги
Приличный человек!»

Вот здесь лежат истоки
Величья «Мобитек»!

О выводы благие:
Ведению войны
Наемники чужие
Учить стрельцов должны!

– Вы знать должны: отныне,
Спалив врагов дотла,
Ромейские святыни
Москва переняла!
У вас портки с дырою!
Христос почти воскрес!
А я вам Кремль построю
Шпилями до небес!
Вы – бедные засранцы!

Я вам – отец родной!
Пусть брушат иностранцы,
Гоняясь за мошной!
Пусть едут к нам золотки
С своих немецких круч!
Сыр в нашей мышеловке
Приятен и пахуч!
Должны мы твердо править,
А... сельский раб готов
Сырьё и корм доставить
На нужды городов!

Колокола звонили.
Последние порты
Мы нехотя вложили
В кремлёвские торты.
Все дело под вопросом,
В ивановом раю
Опять крестьянам с носом
Вращаться на khuiu!
По Ване плачет плаха,
Поскольку ни шиша
В кармане у феллаха,
В котомке дервиша!
Восплачем же над теми,
Кто на горбу везёт
Налоговое бремя
Ивановых щедрот...
Мы ждали перемены...

Молитвам вопреки,
Все деньги шли на стены,
Форпосты,
Тёс,
Дольмены,
На башни и крюки.
Невиданные виды:
Москва парчу несла,
Ковры и аксамиты
К ногам месё посла.
Те с кротостью терпели
Обычай чудаков —
Квартиры без постели,
Шкафов и потолков.

– Uzhasno! Nevozmozhno
V puti nochleg imet,
I eto bezdorozhie
Za god preodolet!
V Moskvu ya pribil v maike,
Napivshis revenia —
Grabitelskie shaiki
Obchistili menia!!!!
Vsë!
Moi vizit posledniy!
Pust slushaet Kharon
Ikh roskazni i spletni
Pro chestnost i zakon!

Послы пером водили
Писали вензеля...

Их письма доходили
До Musorki Кремля.

– Живешь в довольстве, пакость?
Вдали от наших ям?
Строчишь доносы?
Накось!
На, выкуси!
К kuiam!

Испуганные стражи
Вздымали в крике грудь,
А люд боялся даже
На эту фрязь взглянуть!
Высокую породу
Обидеть не хочу —
Дедков седобородых,
Обряженных в парчу.
Я знаю, без сомненья,
Как мёд кому-нибудь
Московское уменье
Молчать и щеки дуть!
Посланцы веселились,
От ужаса дрожа,
Поскольку обходились
Без вилки и ножа.

Узрев сии баранки,
Приимет ли душа
Насильственные пьянки
Близ царского ковша?
На итальянцев исто
Кричал глухой старик:

«Попад в Москву, туристы,
Забудьте свой язык!»

Пустила отчего-то
(О, как произнесу?)
Казанская Икота
Алмазную слезу.
Здесь несть числа обидам,
Запомнил я одну:
Вослед иезуитам
Царь сплевывал слюну.
Икал. Глядел сердито
То искоса, то вкривь
Туда, где жуя жито,
Опричники паслись.
Выл, бился, делал трюки,
Как фокусник в кино,
И мыл всё время руки
Антильским гуано.
Всегда здесь были, друже.
Цари – поводыри —
Смесь хамского радушья

С презрением внутри!

Безумец одинокий
Чудовищ изобрел:
Троящиеся Боги,
Раздвоенный Орёл,
Наивно полагая-
Венец первопричин
Есть Троица Святая,
Тость Бог+Дух+Сын.
Могли б родить и хлеще,
Как пропись – эта муть,
В одном мешке – три вещи!
Эк, братцы, как загнуть!?

Прослушав, скажем строго,
Всю эту ектінію,
Воображаю Бога
Смеющимся в Раю!
Мы знали в полной мере,
Чем страшен Страшный Суд,
И что такое ересь,
И с чем её жуют!
Мы (Подлое канальство!),
Сложив персты в бреду,
Чтоб видело начальство,
Крестились на виду!
Достаточно ль молиться?
Нет! Опытный святой

Умел уединиться
С крестьянкой молодой!

– Мне церковь, как невеста!
Нигде я не найду
Попа, чей сан и место
Добыты не за мзду!
Христос воскрес! В начале
Божественных чудес
Симонией прозвали
Продажу святых мест!
А эти богомилы,
На коих наплевать —
Плюются, что есть силы
В святую церковь – мать!
Сектанты?
Это мило!
Всем дам я тумачков!

Тут смердов затошнило
От запаха попов.
(Церковный Агрикола
В кругу своих старух
Похож на богомола,
Терзающего мух!)
Бубнил он под нос: «Слаще
Тамбовских калачей
Невылазные чащи
И труд рабов... Ни-чей!»

Люд нищий чуть не спятил... —
(Ну ладно, князь в седле!)
Святой Сиргей, как дятел,
Пять лет сидел в дупле,
На завтрак кушал книги,
Спал сидя, лик склонив,
И не снимал вериги,
Пока, увы, был жив!
Был заслан этот леший
Общинный знать изъян...
Он отсылал депеши
О мнении крестьян:

«Хвала Бенедиктину —
Тот вздумал в среду
Подвесить Буратину
С монетами во рту!)
Холопи корчат мину,
Но еж ли поднажмём,
Святую десятину,
Шутя, с рабов сорвём!
Когда бы дурни знали,
Что стоит божий чих!
Исусом запугали
До полусмерти их!»

Дельцов в скитах и челядь
Не будем обижать!

Но инок слаб был сеять
И очень ловок – жать!

Нам чудились во мраке
Болотные огни,
Приметы,
Кости,
Знаки,
Горящий зрак собаки,
Видения и пни.
Все дети склонны к чуду
За это их люблю...
Народ? Он верит всюду
В любую ектинью!
Откуда хап без меры?
Откуда эта прыть
На рваных жилах смердов
Монастыри плодить?
Повсюду зря измену,
Мечтала Неясыть
К московскому колену
Нов-город преклонить!

– Ещё один распорот!
Увы, другой утёк!
Распутный Нове-Город
Топорщит хохолок!
Хоть я товарищ светский,
Клянусь, князя и рать,

Над Марфою Борецкой
К среде возобладать!
Оружием ощерясь,
Я дам торговцам в дых
За дьявольскую прелесть
Порядков вечевых!
Идти готовы к ляху
Все смерды на Руси,
Кричаху и лаяху,
На Москву, яко пси!
Учить непросто бестий!
Отправлю всех ко сну!
Изъятые ж поместья
Вали кулём в казну!

Мы так хотели мира!
Склонив головки, мы
Просили Казимира
Избавить от Москвы!
Ах, лучше б выпить яду!
Казимеш был игрок,
И Новгороду-брату
В несчастье не помог!
Что ж, многие народы
Извели гуртом
Трагедию свободы,
Бессильной пред клинком!

– Да плюньте на свободу!

Вам доля суждена
Пить огненную воду
Кувшинами до дна!
Московские страдальцы
Умели до зари
Высасывать из пальца
Большие пузыри!
В Москве – основа духа,
Куда тут не попрёшь,
Подставка,
Показуха,
Гниль,
Фальшь,
Обман
И ложь.
О город вый без вырвей!
О древний комсомол!
Мне почему-то Ширвинд
С Державиным пришёл
На ум... С ума, однако,
Сошли два москвича:
Иван Большой и Раков
По кличке Каланча.
Прекрасная услуга!
Решилась вся страна
Крошить сто лет друг друга
Без продыха и сна!
И всё? – читатель спросит...
И всё!

И всё, мой друг!
История уносит
Равно и песнь,
И пук...
Рублева приняв хмуро,
Змеиное своё
Звенигородский Юра
В Москву метнул копьё.

– Находятся кретины...
Скривясь, Рублёв сказал, —
Приписывать картины,
Каких я не писал!

Слоны нам снились кряду,
Верблюд в Ростов приплыл,
Никита Шахразаду
В Бомбее прибомбил.
Хоть вера в Бога крепла,
Под троном (Вот дела!)
Нашли мы кучу пепла
И мёртвого орла...
От птицы двухголовой
И блудоляс его
Нам перепал целковый
И больше ничего!
Отметим павших лица,
Спалённые дотла...
Пусть чистая страница

Останется бела!..

19. Песнь девятнадцатая

В коей, как всегда – тьма взрывов, море крови и горы трупов, но в коей появляется надежда размером не менее муравьиного уса, а также оживает один мёртвый, разложившийся утопленник, переживший, правда, Мафусаилова жеребца, и начинают говорить верлибрами Геракловы Столпы.

Хотя мы и просили,
Чтоб шёл скорей домой,
О трон хватил Василий
Железною клешнёй.
Мы выпили отраву,
Узрев, что нас ведут
На скорую расправу —
Святой Шемякин Суд!
Василь, гордясь усами,
Был добр, как крокодил,
С заутрени часами
Травил медведей псами
И, нос задрав, ходил.

Мечтал он камарилье
Пришельцев (Чудеса!)
Самодержавной пылью
Запорошить глаза.

Разведал по латыни
Словечка два иль три,
Но демоны гордыни
Торс грызли изнутри.

– Измену б знать заране!

Нет, я вам не таков,
Чтоб мерзостные длани
Воздыбил к небу Псков!
Святители и панки
Злопамятны всегда,
О да!

Mortuos plango!

Да!

Servum pecus!

Да!

(Оплакиваю мертвых!

Рабское стадо!)

Когда в Москву являлись

Бригады толмачей,

Саксоны удивлялись

Запорам москвичей.

– Podozrevat v kovarstve

Mladentsev i staruh

Nelepost... Dolzhen v czarstve

Czarit ediniy duh,

Dobro, loialnost, chestnost,

Proschenie obid —

Togda lubaia mestnost
Imeet Bozhiy vid,
Togda ne budet vorov,
Razboinikov, bichei
I gnusnikh razgovorov
Gde chie i kak kto chei!..
Dla bednogo naroda
Vsegda, iz roda v rod
Nuzna odna svoboda,
A ne zhestokiy gnët...

И дальше... тем не меньше,
Хоть это все слова,
В их праздных рассужденьях
Тень истины была.
Послы несли по пьяни:

– Mezh nami govoria,
Za chto bludut Slaviane
Zhestokogo charia?
On lupit ih po vie?
On rezhet ih i biët!
Oni zhe vse zhivie!
Nichto ikh ne berët!
Bog dal vam volu, veche...
Kakikh izmen itog —
Vladika stol bespechen,
Naiven i zhestok?
Hotim poniat, poimite,

Pri nēm nischaet Ross
I vsë visit na niti
I katitsa v otkos!

Послы пытались вжиться,
Понять чужую суть:
– Kogda ih Tsar bozhitsa,
To hochet obmanut!

Вытягивая ухо,
Врагу пытаюсь внять,
Скривясь, изрёк Ванюха:

– Да то!
Вам не понять!
Так вы...
Того...
Доколе?
Чего?..
Так... я вам...
Так...
Тут... блин...
Одни юдоли...
Пришли тут...
Кавардак...
Есть...
Пить хочу...
Ни корки...
Бьют...

Хают...
Голова...
Гнилой сермяк...
Опорки...
И мать... едва жива!
Сегодня – день рожденья...
Молюсь по мере сил,
Чтоб Бог...
Мои мученья...
Скорее...
Прекратил...
О немь!
Им всё вопросы...
Любой из них...
Живой...
А тут...
Одни колёсы
И плахи с топорвой,
Одни... сучки и косы,
Да вервия с дыбой!
Им знать и видеть надо
Кто, где, что там, что тут?
Меня ж...
За четверть взгляда
На паперти распнут!
За пук...
За тень от взгляда...
Вы правы, сударь, но...
Подарков мне не надо!

Опасно...

И срамно...

Вняв рядовому мненью,

«Nemetskaia svinia»

В великом изумленьи

Отчалил из Кремля!

Доклад послов в Лозанне

Министру своему

Был полон восклицаний:

Uch!

Ach!

Moï Bog!

I tfu!

Врагов царя казнили.

Рубили.

Волокли.

Морили.

Гнали.

Били.

Топтали.

Рвали.

Жгли.

В ручье топили быстром

И зубы били пнём...

Ему бы быть дантистом,

А он служил царём!..

Когда влекли на плаху
Его живой товар,
То трубы рокотаху,
И улыбался Tsar.
Означенный Василий,
Вздев мощный причиндал,
Все время жёг валькирий,
Кентавров расчленил.
Потребны были вещи:
Столб,
Плаха
Нож,
Курок,
Верёвка,
Пилка,
Клещи,
Меч,
Угли
И клинок.

Мы в чаще скрылись с иском
И, Вешатель, тебя
Прозвали Василиском,
Однако...
Про себя!
То решка здесь, то – орло.
Здесь каждый принуждён
Закапывать по горло

Своих неверных жён!
В просверленные ямки!
Чтоб видел весь народ!
И жалуется самки:

– Не любит, кто не бьёт!
Удел почетный, ибо,
Где царствует Могол,
Взамен сушёной рыбы
Поставят нас на стол!
Зажить счастливо у креста
Рассчитывал Василий.
Сильна в анчоусе мечта
Об уксусе и тмине!

Давайте вспомним, друже,
Приметы страшных пор:
Пожары,
Вихри,
Стужи,
Кометы,
Голод,
Мор!
Безумье одиноких
Отчаянных сердец
И зеркало глубоких
Колодцев, наконец!
Когда, скажу по чести,
Бандиту вверен суд,

И всякий не на месте,
Тогда всему капут!
Спросить у неба впору
(Обида вопиёт!)
Как Бог решился вору
Доверить мой народ?
От боли и позора
Мы гибли без числа,
Над нами злая свора
Всё крепла и росла!

Когда он (брык сколена!)
И полетел в кусты
Жена его Елена
Схватила за бразды!
В то время было модно
Бояр в чанах солить,
Подвешивать свободно
И голодом морить!
Травить в подвале псами,
Держать в стальной узде,
Язык трепать часами

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.